

© 2013 г. Р.Р. Дружинин

УДК 7.01

ФОРМЫ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ "ПСЕВДОМИЛОСЕРДИЯ" В КУЛЬТУРЕ

Forms of representation of "pseudomiloserdy" in culture

Summing up the experience of mercy in the representation of different socio-cultural forms, it is reflected substantial dynamics of charity as the concept of culture. In European culture, at various stages of its development, "pseudomercy" regularly reproduced the forms that are correlated with the understanding of the true charity - from religious to secular, unchurched. The alleged mercy occurs when kindness is not done for the sake of another, and for the realization of self-interest - political, economic, etc. In modern culture all kinds of pseudomercy correspond to definite forms of social and cultural practices.

Key words: charity, "pseudomercy" culture, forms of representation.

Исследование культуры предполагает выявление центральных ее ценностей, одной из которых выступает милосердие. В данном случае мы опираемся и на мысль Й. Хейзинги, который считал, что культура не может быть живой без милосердия [1]. Это положение весьма актуально для современного общества.

В президентском послании к Федеральному собранию в декабре 2012 г. отмечалось, что для российского общества характерен «явный дефицит духовных скреп». При этом было подчеркнуто, что имеется в виду дефицит милосердия, сострадания и сочувствия: «... мне больно сегодня об этом говорить, но сказать я об этом обязан. Сегодня российское общество испытывает явный дефицит духовных скреп – милосердия, сочувствия, сострадания друг другу, поддержки и взаимопомощи, – дефицит того, что всегда, во все времена исторические делало нас крепче, сильнее, чем мы всегда гордились» [2].

Обобщая опыт репрезентации милосердия в различных социокультурных формах (искусство, благотворительность, отношение к природе и др.), следует зафиксировать содержательную динамику милосердия как концепта культуры. Если для ренессансных мыслителей его основным содержанием было жертвование собственными личными интересами ради

блага других, то для мыслителей Нового и Новейшего времени оно становится средством совершенствования духа человека, его нравственности, что предполагает в дальнейшем возникновение базовых для современной европейской культуры идей.

Данное обстоятельство свидетельствует о расширении сферы действия "практического милосердия", его проникновении во все части общественного организма, на основе чего в концептосфере культуры развиваются понятия толерантности, гендерного равенства, коэволюционного развития и т.п. Одновременно с этими процессами меняется представление о жестокости и многое, что не считалось таковым в социальной практике (например, наиболее одиозные формы ведения военных действий) стало осуждаться.

Концепт «милосердие», являющийся одним из составных элементов концептосферы культуры любого общества, носит не только абстрактно-всеобщий характер, но и обладает особенностями, связанными с традициями, обычаями, этнической спецификой, историческим развитием той или иной социальной общности. Данный концепт «окрашивает» собой правоприменение и специфику действия нормативно-ценностной функции правовой культуры. Именно в нем «заложены» основы для оценки особенностей личности, возможности осуществления ее прав и свобод. С этой точки зрения закон и порядок не просто реализуются «железным кулаком», а легитимизируются в глазах общества как нравственно одобряемый социальный институт [3].

Одна из глобальных проблем современного правосознания в связи с этим – это отношение к смертной казни. Другим направлением в исследовании важности милосердия для формирования правовой культуры является его определение в контексте изучения практики и теоретического обоснования необходимости и возможности амнистии или помилования осужденных. Данные репрезентации милосердия являются "мейнстримом" в идеологии и практике правового государства. О важности милосердного отношения к человеку говорит такая юридическая норма, как презумпция невиновности.

"Псевдомилосердие", являясь превращенной формой милосердия, подменяет его истинное содержание, но сохраняет черты его внешней репрезентации. Происходит подмена терминальных ценностей – инструментальными, симулякры милосердия порождаются рекламой, имиджмейкерством, игрой с идентичностями, политической саморекламой в СМИ и т.д. Мнимое мило-

сердие возникает тогда, когда благодеяние совершается не ради другого, а для реализации своих эгоистических интересов – политических, экономических и т.п.; обеспечения собственного душевного комфорта; в целях манипулирования сознанием других людей; ради осуществления некоего абстрактного идеала, безотносительно к интересам отдельного человека и т.д. Всем этим видам псевдомилосердия соответствуют определенные социокультурные практики в современном социуме.

В европейской культуре на различных этапах ее развития "псевдомилосердие" регулярно воспроизводилось в формах, соотносящихся с пониманием истинного милосердия – от религиозных до светских, внецерковных. М. Лютер, в свое время жестко критикуя утратившую всякий моральный авторитет католическую церковь, писал в своем трактате «О свободе христианина» о внешнем, ритуальном характере милосердия, которое приобретает эту форму под ее контролем. Он считал, что истинная вера существует прежде всего не в делах, а является свойством души человека, о котором знает сам индивид и Бог. Для истинной веры нет необходимости в посредниках в лице католической церкви. Христианское милосердие может выглядеть таковым сугубо внешним образом, за счет деяний, но важна именно внутренняя мотивация. Так, например, можно раздать свое имущество бедным и обездоленным, исходя, однако, из тщеславного желания понравиться своему епископу. Милосердная любовь, согласно протестантским теологам, есть прежде всего внутреннее состояние души человека, а милосердные деяния – лишь производное от него. Однако протестантская этика не оберегала ни наемных рабочих, ни членов семей предпринимателей-протестантов от жестокой эксплуатации, методичного и упорного труда во имя исполнения «воли Божьей», расставившей всех в этой земной жизни согласно божественному предназначению.

Культура средневекового и постсредневекового общества на протяжении столетий, пожалуй, вплоть до XIX в. продолжала оставаться в своих основных проявлениях во внешних, демонстративно-этикетных формах, на что обратил внимание еще Й. Хейзинга в "Осени Средневековья"[4]. Эта тенденция получила свое продолжение в милосердии, которое в форме благотворительности, помощи бедным часто являлось неким атрибутом, дающим возможность продемонстрировать возникающему классу буржуазии свои моральные качества и высокий социальный статус. Подобно тому, как предыду-

щие «властители мира сего» – крупные феодалы – в соответствии с принципами «экономики дара» награждали своих вассалов, многие представители буржуазии пытались копировать эту манеру поведения в форме различного рода актов благотворительности. Однако уже к середине XIX в. в европейской культуре утверждается идея того, что демонстративное поведение не может быть связано с истинным милосердием. Милосердие есть прежде всего свойство человеческого духа, бескорыстное желание помогать «униженным и оскорбленным». Именно эта мысль является одной из главных в творчестве Ф.М. Достоевского и Л.Н. Толстого.

В практической этике возникло устойчивое понимание того, что истинное милосердие принципиально отличается от мнимого. В первую очередь, мнимое благодеяние совершается не ради другого, а ради самого себя, ради того, чтобы получить одобрение со стороны власти имущих, церкви или окружающих. Данный вопрос недаром был поднят со всей остротой деятелями эпохи Возрождения и Реформации. Ведь позднефеодальная католическая церковь являла собой, скорее, не идеал нравственного служения, а превратилась в социальный институт, во многом "наполненный" лицемерием и стремлением к наживе. Католицизм в этот период времени явно отошел от заповеди Христа: «Смотрите, не творите милостыни вашей пред людьми с тем, чтобы они видели вас: иначе не будет вам награды от Отца вашего небесного. ... У тебя же, когда творишь милостыню, пусть левая рука твоя не знает, что делает правая, чтобы милостыня твоя была в тайне»[5].

В настоящее время практика подобного мнимого милосердия весьма распространена, что связано с превращением институтов рекламы, имиджмейкерства в весьма действенные инструменты достижения политических и экономических целей. К примеру, один из центральных каналов российского телевидения ежегодно совершает милосердную благотворительную акцию в нескольких детских домах, куда завозятся игрушки, выступают звезды современной эстрады и т.д. Все это транслируется как настоящее шоу по телевидению в часы прайм-тайма.

Во-вторых, мнимым благодеянием будет то, которое совершается явно для себя, для своего спокойствия и душевного комфорта. Индивид не желает, чтобы его взор «отравлял» вид чужих страданий, бедствий, несчастий. Для того чтобы обеспечить себе комфортное существование в определенном социаль-

ном окружении, он готов идти на некоторые, небольшие, прежде всего материальные затраты. Подобная практика милосердия весьма часто осуществляется, например, в ходе специфической джентрификации, т.е. переселения и освоения представителями среднего и высшего среднего класса центральной части города, издавна заселенной людьми небогатыми. Весьма распространенным стало строительство новых, высококомфортабельных домов в старых кварталах на так называемых «свободных пятнах» городской территории. Застройщики, не желая перестраивать старые, обветшалые дома (ведь тогда придется расселять людей в новые квартиры), «втискивают» новые доходные дома, предназначенные для высшего слоя среднего класса россиян, в кварталы старой застройки, практически не улучшая их инфраструктуру. Для того чтобы хоть как-то приглушить недовольство старых жильцов от различных неудобств, причиняемых строительством (перебоями в электро- и водоснабжении, шумом, пылью и т.д.), им обещают различного рода блага. Однако часто дело ограничивается возведением высокого забора вокруг новых домов и различного рода ограничениями для посещения внутридомовых территорий.

В современных российских городах процесс джентрификации порождает, по мнению социологов, явление «соседского выражения неравенства». «Очевидным так же становится тот факт, что новая пространственная организация, новая культурная среда, во многом отталкивает жителей старых домов. Им крайне тяжело слиться с новым архитектурным и социальным ландшафтом. «Новое» и «старое» остаются сами по себе как отдельные цветные куски материи в лоскутном одеяле. Словно подсознательно жители старых домов чувствуют, что это новая возникшая рядом среда их отторгает как вчерашний день. И здесь хочется вспомнить случай, рассказанный одним из информантов. Начав стройку нового дома, застройщики обещали оборудовать общую для всех детей игровую площадку. В итоге же получилось, что новую благоустроенную игровую зону могут посещать лишь дети и родители из нового дома, а детям из соседних старых домов вход туда закрыли, сказав, что играть на площадке они могут только по приглашению.

Да, действительно, точечная застройка умещает огромные жилые комплексы в тесных районах старого города, а процесс джентрификации дает все новые и новые пространства современных комфортных практик проживания, но вот вопрос: Кто пригласит в них жителей старых домов?» [6, с.1077].

В-третьих, мнимое милосердие проявляется в современном социуме в практиках манипулирования сознанием людей. В результате милосердие превращается из терминальной ценности в сугубо утилитарную, т.е. в способ достижения власти – политической или экономической. Прошедшие за пост-перестроечные годы избирательные кампании дают множество примеров грубого и более тонкого манипулирования сознанием избирателей при помощи широко разрекламированных благотворительных акций, которые проводят кандидаты. Весьма часто осуществляются примитивные акции прямого подкупа избирателей различных категорий: например, пенсионерам приносят продуктовые наборы, осуществляют бесплатную доставку дров или угля для отопления и т.п. Конечно, в подобных случаях ни о каком истинном милосердии и разговора быть не может.

В-четвертых, одной из форм мнимого милосердия является абстрактная деятельность во имя выполнения некоего «высокого долга», где интересы конкретного человека забываются, и за самой практикой «благодетельства» не видятся люди с их собственными интересами и устремлениями. Известный культуролог П. Бицилли в свое время провел весьма тонкий сравнительный анализ деятельности идеального героя Сервантеса – Дон-Кихота и реального исторического лица – первого генерала и основателя ордена иезуитов Игнатия Лойолы. Для обоих весьма часто идеальные устремления, желание оказать благодетельства людям носили абстрактный характер, в результате чего получался результат, прямо противоположный тому, чего они пытались достигнуть. Приведем пример: Дон-Кихот освобождает преступников и разгоняет их стражу, после чего сами же освобожденные нападают на "рыцаря печального образа", понимая, что за попытку побега они понесут еще более тяжелое наказание.

Подобная практика псевдомилосердия, связанная с утверждением некоего абстрактного идеала, реализовывалась в XX в. в самых различных формах. Замечательный русский писатель А. Платонов в повести «Котлован» показал, как можно ради некоего идеального коммунистического рая создать вполне реальный ад на Земле для людей, которые должны жить ради будущего и где ценность человеческой жизни приближается к нулю.

В-пятых, мнимое милосердие возникает тогда, когда человек воспринимает нужды и потребности других людей, исходя из своего собственного представления о них. Подобные благодетельства не связаны с истинным со-стра-

данием, с интенцией на личность другого и пониманием его как самого себя. Если подобного отождествления нет, то акт благодеяния может оказаться или ненужным, или оскорбительным для другого человека. Примером абсолютного непонимания нужд голодающего населения собственной страны явился знаменитый ответ французской королевы Марии Антуанетты на объяснение о причинах бунта (у народа нет хлеба): «Если нет хлеба, пусть едят печенье».

Другим вариантом псевдомилосердного отношения может оказаться ситуация, когда другой человек, кому оказывается помощь, добросердечное участие и т.д. отнюдь не является достойным объектом подобного действия. В народе об этом говорят так: «На словах милости просит, а за голенищем нож носит».

Важность социокультурных форм репрезентации практического милосердия связана с его сущностной природой. Еще И. Кант отмечал, что любовь к ближнему начинается, исходя из самого практического делания добра, именно этот путь пробуждает в индивидуе доброту, доброжелательность, человеколюбие. В христианской «милосердной любви» истинное начало лежит не в некоей абстрактной вере, а именно в практической деятельности, где человек, жертвуя своими интересами, помогает страждущим. Поэтому И. Карамзov, подвергая интеллектуальному анализу понятие христианской любви, не может на уровне абстрактных логических категорий проникнуть в ее сущность, ибо милосердие всегда начинается с практического действия, а не из абстрактных умствований. Он говорит, обращаясь к брату Алеше: «Я тебе должен сделать одно признание: я никогда не мог понять, как можно любить своих ближних. Именно ближних-то, по-моему, и невозможно любить, а разве лишь дальних. Я читал вот как-то и где-то про «Иоанна Милостивого» (одного святого), что он, когда к нему пришел голодный и обмерзший прохожий и попросил согреть его, лег с ним вместе в постель, обнял его и начал дышать ему в гноящийся и зловонный от какой-то ужасной болезни рот его. Я убежден, что это он сделал с надрывом лжи, из-за заказанной долгом любви, из-за натащенной на себя эпитимии. Чтобы полюбить человека, надо, чтобы тот спрятался, а чуть лишь покажет лицо свое — пропала любовь» [7].

Здесь вполне уместно вспомнить истину фаустовского человека у Гете: начало бытия в деянии. Перефразируя высказывание Фауста, можно сказать, что начало милосердия не в слове, умствовании, не в схоластических аб-

страктных рассуждениях, а в конкретной помощи нуждающимся через приобщение к социокультурным практикам милосердия, институциональным образом закрепленным в социальном организме.

Заповеди милосердной любви известны человечеству уже на протяжении более чем 3 тысяч лет. Однако до сих пор необходимость в их понимании и практическом воплощении остается актуальной задачей для современной цивилизации.

Рассматривая современные репрезентации «практического милосердия» в культуре и фиксируя их многообразный, проникающий во все сферы общества, характер, мы должны понимать, что мир в XXI в. находится на переломном и во многом кризисном этапе своего развития. «...Нам следует также заключить, что некоторое время назад мы также достигли поворотной точки. На этой стадии важно конструирование локальных форм общества, в рамках которого гражданственность, интеллектуальная и моральная жизнь могли бы пережить века мрака, которые уже настигли нас. И если традиция добродетелей смогла пережить ужас веков мрака, мы не полностью утратили надежду. На этот раз нас не ждут варвары на границе; они уже управляют нами» [8, с. 355]. Отсюда столь важны консолидированные усилия общества и государства, церкви и системы образования в воспитании чувства и культуры милосердия – моральной основы существования и выживания современного социума.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Хейзинга Й.* В тени завтрашнего дня. Диагноз духовного недуга нашей эпохи // Хейзинга Й. Homo ludens. В тени завтрашнего дня. М.: Изд-во группа "Прогресс", "Прогресс-Академия", 1992.
2. Послание Президента РФ Федеральному собранию РФ от 12.12.2012// <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=138990>
3. *Нечипорова Е.В.* Милосердно-благотворительная деятельность католической церкви // Гуманитарные и социальные науки. 2009. № 5. http://hses-online.ru/2009_05.html
4. *Хейзинга Й.* Осень средневековья. Исследование форм жизненного уклада и форм мышления в XIV и XV веках во Франции и Нидерландах. М.: Наука, 1988.

5. Евангелие от Матфея 6:1.
6. *Богданова Н. М.* Джентрификация в Самаре: организация повседневности жителями старых домов в районах новой застройки // Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие [Электронный ресурс]: Материалы IV Очередного Всероссийского социологического конгресса / РОС, ИС РАН, АН РБ, ИСППИ. М.: РОС, 2012. 1 CD ROM.
7. *Достоевский Ф.М.* Братья Карамазовы // Достоевский Ф.М. Собр. соч. в 15-ти тт. Т. 9. Л.: "Наука", 1991.
8. *Макинтайр А.* После добродетели: Исследования теории морали. М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2000.
9. *Шаповалов В.С.* Ценностные ориентации православия в современной России // Гуманитарные и социальные науки. 2010. № 3. http://hses-online.ru/2010_03.html
10. *Березина Е.М.* Идея «единения с другим» в содержании милосердия // Гуманитарные и социальные науки. 2011. № 6. http://hses-online.ru/2011_06.html

REFERENCES

1. *Heizinga J.* In the Shadow of tomorrow. The diagnosis of the spiritual disease of our age // J. Heizinga, Homo ludens. In the shadow of tomorrow. Moscow: Publishing House of the group "Progress ", " Progress Academy". 1992 .
2. Message from the President of the Federal Assembly of the Russian Federation from 12.12.2012 // <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc; base = LAW; n = 138990>
3. *Nechiporova E.V.* Merciful and charitable activities of the Catholic Church // Humanities and Social Sciences. 2009. No 5. http://hses-online.ru/2009_05.html
4. *Heizinga J.* Autumn of the Middle Ages. The study forms of lifestyle and ways of thinking in the XIV and XV centuries in France and the Netherlands. Moscow, 1988 .

5. Matthew 6:1.
6. *Bogdanov N.M.* Gentrification in Samara : the organization of everyday life residents of the old houses in the areas of new construction // Science and Society : Global Challenges and Regional Development [electronic resource] : Proceedings of the IV All-Russian Congress of Sociology of the Ordinary / ROS, IP RAN, Academy of Sciences of Belarus, ISPPi . Moscow: ROS , 2012. 1 CD ROM.
7. *Dostoevsky F.M.* Brothers Karamazov // Fyodor Dostoevsky Coll. Op. 15 vols . T.9 . L.: "Science", 1991.
8. *Macintire A.* After Virtue : The study of the theory of morality. M. Akademichsky project; Yekaterinburg: Business Book, 2000.
9. *Shapovalov V.S.* Value orientation of modern Orthodoxy in Russia // Humanities and Social Sciences. 2010 . No3. http://hses-online.ru/2010_03.html
10. *Berezin E.M.* The idea of "integrity with others" in the content of mercy // Humanities and Social Sciences, 2011. No 6. http://hses-online.ru/2011_06.html

Южно-Российский гуманитарный институт.

г. Ростов-на-Дону, Россия

27 июля 2013 г.